

Гермионе потребовалось несколько мгновений, чтобы сосредоточиться на том, что ее окружало, когда она почувствовала, как ее ноги снова коснулись террафермы, когда маленькая рука Добби ослабила удивительно крепкую хватку, которую он держал на ней во время аппарации. Ей удалось не споткнуться об пол, так как она почувствовала, как гравитация снова удерживает ее тело, хотя это был бег на близком расстоянии. Она выпрямилась и мгновенно узнала свое окружение: Большой Зал.

Нет, не зал, поняла она, когда ее чувства стабилизировались после того, что было ее первым опытом видения сбоку. Это оказалось очень неприятным ощущением — даже более неприятным, чем ее первый опыт транспортировки портключом прошлым летом.

Хотя это явно не Большой зал, пространство, в котором она и Гарри теперь оказались, имело много общего с огромным пространством, которое было в самом сердце повседневной жизни в Хогвартсе. Там стояли четыре длинных деревянных стола, расставленных в ряды, как в четырех школьных корпусах, но без длинных скамеек, на которых ученики сидели во время еды. Вместо этого по всему пространству было разбросано несколько маленьких деревянных стульев. Комната, в которой они стояли, тоже была примерно такого же размера; возможно, даже немного больше, чем Большой зал, хотя из-за гораздо более низкого потолка и отсутствия естественного света он вызывал чувство клаустрофобии.

— Это было ужасно, — сказал Гарри, который выглядел таким же зеленым, как чувствовала себя Гермиона.

— Мм-м-м, — рассеянно сказала Гермиона, блуждая глазами по знакомому пространству, хотя без слов соглашалась с Гарри. «Теперь я знаю, на что похожа зубная паста, когда ее выдавливают из тюбика», — подумала она, проецируя мысленный образ на их связь.

Губы Гарри растянулись в улыбке, показывая, что он согласен с ее метафорой. Вслух спросил он; — Где Добби?

«Я думаю, что вернулся за остальными», — сказала Гермиона, предлагая единственный логический вывод, который она могла придумать для отсутствия маленького эльфа.

Ее теория подтвердилась через мгновение, когда по комнате разнесся еще один мягкий хлопок; очень бледный, сбитый с толку Рон и сияющий Сириус появились из ниоткуда перед ними, спиной к факсимиле четырех столов факультета.

"Где мы?" — спросил Рон.

"Кухни Хогвартса!" — провозгласил Сириус, медленно поворачиваясь на месте, впитывая каждый дюйм пространства. «У меня масса счастливых воспоминаний об этом месте. Только не говорите мне, что вы трое никогда не бывали здесь раньше?» — спросил он дразнящим тоном.

Он по-прежнему широко улыбался, но Гермиона не могла не заметить, что, когда он завершил

свой поворот на месте, чтобы снова встретиться с ней лицом, его улыбка не доходила до его глаз. Отсутствие тепла в его серых глазах придавало его желтоватому лицу то же затравленное выражение, которое она помнила по его объявлениям о розыске в прошлом году.

Однако у нее не было времени анализировать изменения в поведении Сириуса, поскольку брови Рона поднялись, когда он тоже узнал свое окружение. — О, да. Мы бывали здесь раньше, — ласково сказал он, не оставив Гермионе никаких сомнений в том, что он вспоминает превосходную еду, которую эльфы Хогвартса снабдили его во время его последнего визита. «Нашел его перед Рождеством в прошлом году».

Выразительное лицо Сириуса приняло притворно-обиженное выражение. «Сын мародера должен был найти это место в первый семестр первого года», — сказал он, обращаясь непосредственно к своему крестнику.

Гарри пожал плечами. «Полагаю, слишком занят, пытаюсь не быть убитым троллями или Цербером», — резко сказал он, вызвав взрыв смеха у своего крестного отца.

Веселье Сириуса оборвалось, когда еще один хлопок возвестил о прибытии последнего члена их группы.

— Я рад видеть, что вы в курсе последних событий, — без предисловий сказал Дамблдор. Он держал в руках те же пожелтевшие экземпляры «Ежедневного пророка», которые Сириус собрал в деревне. Вероятно, он привез их с собой.

Директор пересек комнату длинными целеустремленными шагами, которые, казалось, противоречили его возрасту, и занял место во главе, что, как отметила Гермиона, было эквивалентом стола Гриффиндора в Большом зале прямо над ним.

Она отметила, что директор школы снова излучал ту же силу и авторитет, которые она уже несколько раз наблюдала на прошлой неделе; авторитет, который остальная часть группы молча признала, переместившись на позиции по обе стороны стола. Гарри подвел Гермиону к месту справа от директора школы, в то время как Сириус и Рон пододвинули пару стульев напротив них. Только Добби остался стоять, немного зависнув позади Гарри.

Глаза Дамблдора медленно описывали полукругом тех, кто был перед ним, как нынешних, так и бывших учеников. Его взгляд останавливается на крошечном эльфе. Он смотрел на домового, прижав подбородок к груди, чтобы смотреть поверх очков. "Может быть, я могу побеспокоить вас о чем-нибудь освежиться, Добби?" — спросил он, видимо тщательно подбирая слова, чтобы не превратить свою просьбу в приказ.

Добби один раз моргнул своими выпуклыми зелеными глазами. «Конечно, профессор», — пискнул он и поспешил скрыться из виду, по-видимому, чтобы раздобыть то, что осталось от обеда.

Если бы я знал, что мы вернемся сюда, Гермиона «услышала» мысли Гарри. Я бы не таскал этот мешок с едой весь день. Это было чертовски тяжело.

Гермиона сопротивлялась желанию упрекнуть Харру за его язык, когда поняла, что он говорил не вслух.

Дамблдор улыбнулся, наблюдая за удаляющейся спиной эльфа, исчезнувшего из виду, прежде чем положить газеты на вычищенную поверхность деревянных столов перед ними.

"Я предполагаю, что эти статьи раскрывают, по крайней мере, часть мотивов твоего возвращения, Сириус?" — сказал Дамблдор, словно комментируя погоду.

Все взгляды вокруг стола обратились к заголовкам. Их было трое; первая носила заголовок « Таинственная болезнь Бартемиуса Крауча », вторая — « Министерская ведьма все еще пропала — министр магии теперь лично замешан ». Третий, который оказался местной маггловской газетой, так как ни одна из фотографий не была в движении, был сложен таким образом, чтобы освещать небольшую историю о садовнике Фрэнке Брайсе, пропавшем без вести из деревни под названием Литтл-Хэнглтон. . По логике вещей, поскольку Гермиона была уверена, что этой газеты не было в пещере Сириуса, эта газета должна была принадлежать Дамблдору.

— Ситуация определенно ухудшается, Альбус, — согласился Сириус. — Но что такого в том, что Гарри и Гермиона поженились?

Щеки Гермионы покраснели. Сириуса было трудно понять правильно, его глубина часто скрывалась за его веселой внешностью, которая, Гермиона была уверена, теперь была скорее игрой, чем в его прежней жизни.

Проведя более десяти лет, когда радость высасывали из него самые отвратительные существа, известные волшебникам, как это могло не быть, по крайней мере, частично вынужденным.

Однако, несмотря на то, что ей было трудно правильно понять чувства Сириуса, прямо сейчас у нее сложилось отчетливое впечатление, что крестный отец Гарри был не в восторге от мысли о том, что она и Гарри поженятся. Но было ли это из-за того, что они были так молоды, или по какой-то другой причине, она не могла сказать — он, казалось, искренне обрадовался тому, что они были парой менее десяти минут назад, в конце концов.

— Всеу свое время, — спокойно сказал Дамблдор. «Отношения между нашими юными гриффиндорцами здесь и сложны, и жизненно важны для нашего понимания недавних и, возможно, даже будущих событий. Я прошу вашего терпения, Сириус».

Сириус кивнул в знак согласия, отбрасывая спутанную копну волос, упавшую ему на лицо при этом движении.

«Я также считаю разумным найти для вас более подходящее место, чтобы спрятаться», — добавил Дамблдор с искренним выражением лица.

— Ты не получишь от меня аргументов, Альбус, — ответил Сириус. «Где-нибудь с душем и трехразовым питанием было бы намного лучше, чем мои нынешние условия проживания».

В этот момент вернулся Добби. Или, по крайней мере, Гермиона предположила, что это был Добби. В поле зрения выплыли две большие серебряные тарелки с едой, которые, по-видимому, нес эльф, который был скрыт от глаз, таков был размер его ноши. Гермиона открыла было рот, чтобы сказать что-то об эльфийском благополучии, но закрыла его почти так же быстро, как поняла, что это, возможно, не самый подходящий момент, чтобы поднимать эту тему. Особенно в свете того факта, что Дамблдор изо всех сил старался не давать Добби прямого приказа принести им еду.

— Спасибо, Добби, — любезно сказал Дамблдор, когда эльф поставил тарелки с едой в центр стола.

«Приветствую вас, профессор Дамблдор», — ответил Добби, спина которого, казалось, судорожно сжалась, как будто он сопротивлялся желанию поклониться. — Прошу прощения, мастер Гарри, но Добби должен уйти. Добби снова нашел Винки пьяной, — добавил он в качестве объяснения, сурово проверяя решимость Гермионы не упоминать ТРО.

— Все в порядке, Добби, — любезно ответил Гарри. «Иди. Позаботься о Винки. Мы придем и найдем тебя позже».

Гермиона предположила, что Гарри хотел найти маленького эльфа, чтобы передать ему свои подарки; предположение, которое Гарри подтвердил по их ссылке.

Добби нетерпеливо кивнул головой и снова скрылся из виду, когда за столом воцарилась тишина, когда собравшиеся потянулись, чтобы наполнить свои тарелки едой.

Любой, кто не знал лучше, поняла Гермиона, предположил бы, что Рональд, а не Сириус, страдал от недоедания, судя по огромной горке еды, которую ее лучший друг накладывал себе на тарелку. Она бессознательно сморщила нос при демонстрации подруги манер - или их отсутствию.

- Что? - спросил Рон с набитым цыпленком ртом, очевидно слишком хорошо прочитав выражение лица Гермионы. — Я еще не обедал!

Гермионе пришлось признать, что она тоже проголодалась, поскольку смогла отведать лишь несколько кусочков пикника, приготовленного для них Добби, она жадно положила несколько блюд на свою тарелку, и в течение нескольких минут слышались только звуки ножей и вилок. на посуде заполнил воздух.

Наконец, когда все наелись досыта, Дамблдор встал. — Теперь, когда нас как следует накормили и напоили, чтобы наши мысли могли сосредоточиться на чем-то другом, кроме урчания в животе, я предлагаю начать, — объявил он, когда Рон с грохотом поставил столовые приборы.

Когда никто не возражал, Дамблдор беззаботным взмахом палочки отправил все грязные тарелки обратно в том направлении, в котором их принес Добби.

Сунув палочку в рукав, он снова сел, сцепил пальцы и положил сцепленные руки на стол перед собой. Гермионе казалось, что он готовится к тому, что собирался сказать, и в искусственном свете кухни в подвале Гермиона заметила, что он потерял часть своей ауры авторитета. Он выглядел почти таким же слабым и усталым, как и в ту ночь, когда их отвезли в лазарет.

«В то время как необъяснимая болезнь Бартемиуса Крауча и исчезновение Берты Джоркинс, — начал директор без преамбулы, указывая на « Ежедневный пророк », — и болезнь маггла по имени Фрэнк Брайс, — он указал на маггловскую бумагу, — все это кажется не связанным, Я убежден, что они каким-то образом связаны. Более того, в сочетании с информацией, которую я получил из своих источников, и болью, которую Гарри испытал в своем шраме прошлым летом...

Как он это узнал? — лениво спросил Гарри у Гермионы.

Сириус, вероятно, сказал ему, подумала она в ответ. Сомневаюсь, что ты единственный, кому пишет Сириус.

"...не оставляй меня никаких сомнений," продолжал Дамблдор, не замечая их невербального разговора. «Лорд Волан-де-Морт скоро преуспеет в своих планах по возвращению себя в телесную форму».

Повисла глухая тишина.

Гермиона отметила, что страха и беспокойства, которые она ожидала испытать в ответ на такое резкое и пугающее заявление, так и не появилось, что заставило ее задуматься, не использует ли она еще раз силу Гарри в этом отношении.

Она бросила взгляд в сторону и увидела, что Гарри сидит прямо, как шомпол. Его взгляд стал жестким, а губы сузились до тончайших линий. Именно в этот момент она поняла, что это за встреча; это был военный совет.

Хотя, по крайней мере на данный момент, Гермиона не могла понять причину, по которой Дамблдор включил в такую встречу сбежавшего каторжника и трех подростков.

Сириус заговорил первым. — Вы собираетесь реформировать порядок? он спросил.

— С немедленным вступлением в силу, — без колебаний сказал Дамблдор.

"Приказ?" — с любопытством спросил Рон.

— Орден Феникса, — объяснил Сириус, откидывая стул на задние ножки и почесывая свою щетинистую бороду. «Мы были сопротивлением Волдеморту в первую войну».

Никто в комнате не мог не заметить очень преднамеренного упоминания Сириусом первой войны. Его смысл был ясен; будет вторая война, если они не смогут положить ей конец.

Если это еще не началось, угрюмо подумала Гермиона.

— Сириус, я бы хотел, чтобы ты организовал штаб-квартиру ордена, — продолжил Дамблдор.

— Считаю, что дело сделано, Альбус, — задумчиво ответил Сириус. «Мы всегда можем использовать Гримвальд-плейс», — продолжил он, явно размышляя вслух. «Никто не жил там с тех пор, как умерла мама. Он хорошо защищен».

— Отлично, — согласился Дамблдор. «Я попрошу вас начать приготовления, как только наши дела здесь будут завершены. Может быть, вы могли бы даже поселиться там сами? Мы могли бы подключить вас к камину в моем кабинете, чтобы вы могли оставаться как бы под рукой».

Сириус обдумывал предложение целых две секунды, прежде чем согласился. «Никогда не думал, что буду рад вернуться туда», — пробормотал он никому в частности.

Из глубины подвальной кухни доносились безошибочные звуки десятков кастрюль и сковородок, падающих на пол. Их металлический грохот громко эхом разносится по пещерному пространству, а через несколько мгновений к какофонии шума присоединяются приглушенные высокие пiski бесчисленных затаившихся домовых эльфов. Некоторые голоса, хотя и слишком далеко, чтобы их можно было различить, отчетливо отдавали приказы, в то время как другие явно смущенно признавали эти приказы.

Когда шум стих, Гермиона воспользовалась паузой в разговоре. — Если вы не возражаете, я спрошу у директора. Какие источники? Конечно, она не сомневалась в достоверности теории Дамблдора (большинство людей с радостью согласились бы с теорией Альбуса Дамблдора, а не с фактами почти любой другой), но ее любопытство отказывалось сдерживать.

Дамблдор усмехнулся, в его глазах мелькнуло его обычное добродушие. «Нет, мисс Грейнджер, я не возражаю. Как вы знаете из первых рук, я не застрахован от ошибок, и, поскольку ближайшие месяцы, без сомнения, потребуют многого от каждого из нас, вполне уместно, что я должен поделиться с вами все, чему я научился, чтобы увидеть, если вы придете к тем же выводам, что и я».

Во второй раз за неделю Гермиона вдруг замолчала от слов директора. По правде говоря, она была ошеломлена тем, насколько откровенным предлагал быть директор. Как бы она ни восхищалась и уважала августейшего волшебника, связь с Гарри открыла ей новую перспективу. Теперь она знала, что помимо того, что директор был чрезвычайно могущественным и необычайно добрым, он также был довольно скрытным человеком, во многих случаях создавая у Гарри, а, следовательно, косвенно и у нее, впечатление, что он знает гораздо больше, чем хотел раскрыть. Что послужило причиной изменения взглядов Дамблдора, она не знала, однако заметила, что его готовность поделиться действительно казалась искренней.

Тем временем Дамблдор достал из переднего кармана своей мантии небольшую деревянную шкатулку, которую поставил на стол. Вытащив палочку другой рукой, он молча наложил то, что Гермиона узнала как противодействие заклинанию Редуцио. Мгновение спустя коробка увеличилась до размеров небольшого ящика.

Ухватившись за крышку свободной рукой, Дамблдор распахнул верхнюю часть коробки на петлях, чтобы открыть неглубокий каменный бассейн, окруженный маленькими закупоренными бутылочками с серебристым веществом.

— Мыслитель? — спросил Сириус.

«Я чувствовал, что это окажется более целесообразным», — согласился Дамблдор.

"Что такое омут памяти?" Рон хотел знать.

«Это объект, который позволяет вам просмотреть чью-то память», — дословно процитировала Гермиона.

— Верно, мисс Грейнджер, — сказал Дамблдор так, словно собирался наградить Гермиону десятью баллами. «И у меня есть ряд воспоминаний, которые, я уверен, окажутся просветляющими», — заключил он, откупоривая одну из крошечных стеклянных бутылочек и выливая содержимое в мыследум.

Неосознанно все, собравшиеся вокруг стола, слегка наклонились вперед, когда Дамблдор ткнул в серебристую субстанцию кончиком своей палочки. Словно притянутая магнитом, призрачная фигура поднялась из чаши, сливаясь в образ, который безошибочно принадлежал профессору Снейпу. С его ногами, все еще прочно спрятанными в серебряной луже, слизеринский глава факультета с крючковатым носом начал медленно вращаться на месте. Его левый рукав был закатан, и он, казалось, указывал на что-то похожее на татуировку на предплечье, хотя изображение было слишком маленьким и нечетким, чтобы Гермиона могла разобрать, что это такое.

«Он возвращается... Каркаров тоже... сильнее и яснее, чем когда-либо...» Голос Снейпа эхом разнесся по комнате, как будто он говорил с ними со дна каменной чаши.

Еще одним толчком палочки миниатюрный Снейп снова опустился в таз.

"Смущенный?" — спросил Дамблдор. "Я был бы поражен, если бы вы не были." он сделал успокаивающий вдох. — Видишь ли, и Игорь, и Северус когда-то были Пожирателями Смерти.

Какофония шума, прозвучавшая в ответ на заявление директора школы, заставила прежний стук кастрюль и сковородок померкнуть.

Дамблдор умиротворяюще поднял обе руки, пытаясь подавить шум, разразившийся вокруг стола. Сириус был на ногах, крича что-то бессвязное, его стул лежал на спинке на полу, куда он упал, когда он в ярости вскочил на ноги. Челюсть Рона была сжата, зубы скрежетали друг о друга, когда ему удалось выплюнуть одно предложение; "Я знал это!"

Гарри ничего не сказал. Его глаза приобрели остекленевший вид, как будто он больше никого не видел в комнате.

Гермиона закусила губу, пытаясь собрать в уме незавершенную мозаику. Долгое время они считали, что профессор Снейп был в лучшем случае увлечен темными искусствами, а в худшем — сторонником самого Волан-де-Морта — подозрение, которое отказывалось полностью испариться даже после действий мастеров зелий по спасению жизни Гарри на первом курсе. Но теперь Дамблдор говорил им, что они все время были правы; Северус Снейп был Пожирателем Смерти. Один из самых доверенных лейтенантов Волдеморта.

— Но ты все еще доверяешь ему? — сказала она вслух, озвучивая единственный вывод, к которому смогла прийти, когда первоначальный шум стих.

Хотя профессор Снейп, несомненно, был превосходным зельеваром, он явно не подходил для должности в сфере образования. Его жестокие насмешки над Гарри на их последнем уроке доказали это — если нужны были дополнительные доказательства. По логике вещей, у профессора Дамблдора должна была быть другая причина держать его рядом.

— Да, мисс Грейнджер. Я безоговорочно доверяю Северусу, — ответил Дамблдор. «Моей жизнью, если потребуется».

"Почему?"

Гарри не кричал, но его голос, ставший отдаленным и монотонным, разнесся по комнате с низким потолком. Именно в этот момент Гермиона поняла, что больше не может ощущать чувства Гарри. Он закрывает меня, поняла она с разочарованием и беспокойством в равной степени и попыталась достучаться до него своим разумом, но столкнулась с ментальным пространством, которое директор однажды назвал «чистым листом обсидиана».

Дамблдор положил руку ему на лоб и провел ею по морщинистому лицу. — Прости меня,

Гарри. Этого я не могу тебе сказать, — сказал он, его сапфировые глаза выглядели глубоко опечаленными его признанием. «Хотя я согласился поделиться своими секретами со всеми вами, я дал Северусу слово, что никогда не буду говорить о причинах его обращения. Вы должны спросить его об этом сами, хотя я не могу обещать вам, что он будет откровенен». что я могу сказать вам, так это то, что за несколько дней до очевидной кончины Волдеморта, когда он был на пике своих сил, Северус стал шпионом Ордена с большим личным риском для себя. Он никогда не давал мне повода сомневаться в его лояльности в течение пятнадцати лет после этого».

— Ты действительно доверяешь ему? — спросил Рон, который сидел, обхватив голову руками и глядя на свои колени.

— Как я уже сказал, мистер Уизли. Неявно.

— Что он показывал тебе на своей руке?

Гермиона с удовлетворением отметила, что оцепеневший голос Гарри несколько мгновений назад несколько смягчился. Удовольствие переполняло ее грудь, когда она «почувствовала», как щупальца разума Гарри снова касаются ее.

Извините, он спроецировал на нее . Я не хотел, чтобы ты тоже это чувствовал. Я снова чуть не потерял контроль. Гермиона почти могла слышать застенчивый тон в его «голосе».

Ты не обязан защищать меня, Гарри, подумала она в ответ. Только не закрывайся от меня. Давай я тебе помогу. Я всегда буду рядом с тобой.

Гермиона почувствовала, как Гарри мысленно кивнул, и они снова обратили внимание на главу стола.

«Темная метка», — сказал Дамблдор в ответ на вопрос Гарри. — Что-то вроде волшебной татуировки, которую Волдеморт использовал, чтобы заклеить своих сторонников. И у Северуса, и у Игоря за несколько месяцев они стали четче. Фактически, с прошлого лета, Гарри. Когда у тебя болит шрам после сна.

— Значит, ты думаешь, что сон был реальным? — удивленно спросил Гарри.

«Возможно», — сказал Дамблдор, положив подбородок на сцепленные пальцы. «Наверное, на самом деле».

— И вот откуда ты знаешь, что он снова становится сильнее? — задумчиво добавил Рон.

Дамблдор кивнул, соглашаясь. — Хотя сами по себе исчезновения меня бы обеспокоили, мистер Уизли, — сказал Дамблдор. «Годы первого прихода лорда Волан-де-Морта к власти

были отмечены множеством необъяснимых исчезновений».

«Очень похоже на то, что было раньше», — согласился Сириус. «Мы знаем, что Берта Джоркинс растворилась в воздухе в том месте, где в последний раз был Волдеморт, но я не вижу связи между этим и странным отсутствием Барти Крауча или исчезновением того маггловского садовника».

— Мой брат — личный помощник Крауча, — вмешался Рон. «Перси говорит, что он просто страдает от переутомления».

«Это не согласуется с тем, что я знаю Крауча», — сказал Сириус с оттенком горечи в голосе. «Если он хоть раз в жизни взял выходной по болезни, я съем Клювокрыла».

«Хотя ваше мнение об этом человеке могло быть несколько омрачено вашими предыдущими стычками с Бартемиусом, Сириус, я не могу оспаривать ваше утверждение», — согласился Дамблдор.

— Вы знали Крауча? — спросила Гермиона.

Лицо Сириуса помрачнело. Гермиона заставила себя не вздрогнуть, когда его затуманенные безжизненные глаза остановились на ней. Он выглядел таким же встревоженным, как и в первый раз, когда они встретились с ним, когда все еще считали его убийцей. — Можно и так сказать, — тихо ответил Сириус, горечь его тона теперь была очевидна всем в комнате. «Это он отправил меня в Азкабан без суда».

" Что ?" — вместе сказали Рон и Гермиона.

«В то время Крауч был главой магического правопорядка. Он был, что называется, человеком своего времени. Он боролся с насилием насилием; стал почти таким же безжалостным, как и многие на Темной стороне. одну отдал в нежные объятия дементоров без суда и следствия, — продолжил Сириус со смешком, в котором не было и следа веселья. «Он отдавал приказы аврорам убивать, а не брать в плен; он даже дошел до того, что разрешил использовать непростительное против вражеских комбатантов».

«Он, вероятно, уже был бы министром магии, если бы его собственный сын не был пойман с группой Пожирателей смерти».

Гермиона была потрясена. Не то чтобы она когда-то задумывалась над этим вопросом, но теперь, когда она задумалась, она представляла себе любого сына Бартемиуса Крауча кем-то, совсем не отличающимся от Перси Уизли. Она уже собиралась сказать это вслух, когда Дамблдор перевел разговор в другое русло.

— Все верно, Сириус, — сказал он. «Однако я до сих пор не могу объяснить, как Бартемиус

вписывается во все это. Фрэнк Брайс, с другой стороны, имеет более прямое отношение, что убеждает меня в том, что эти исчезновения не являются простым совпадением. Мистер Брайс жил в деревне, где Волдеморты владеют отец был воспитан. На самом деле, он все еще ухаживал за садами дома, который местные жители все еще называли домом Риддлов до даты его исчезновения».

В комнате снова воцарилась тишина, единственные звуки исходили из невидимой кухонной зоны, где, судя по чудным ароматам, доносившимся из воздуха, домовые эльфы уже были заняты приготовлением обеда для тысячи или около того студентов, которые собирались в зале. Большой зал в тот вечер.

Гарри, который молча сидел, пока остальные разговаривали, сосредоточенно нахмутив брови, внезапно заговорил. «Профессор? Вы знаете, почему у меня болит шрам? Почему я видел Волан-де-Морта во сне?»

Дамблдор какое-то время пристально смотрел на Гарри. Это был тот самый взгляд, который Гермиона помнила от директора, когда он пытался читать ее мысли в прошлом месяце.

— У меня есть теория, — признался он. — Но только это. Мы уже говорили о том, что я верю, что твой шрам — не обычный шрам. Я верю, что ты чувствуешь, когда Волдеморт рядом, или чувствуешь особенно сильную волну ненависти, потому что ты и он связаны несостоявшимся проклятием. в ночь Хэллоуина тысяча девятьсот восемьдесят первого года».

«Он что-то нам не говорит», — подумала Гермиона, чувствуя, как согласие Гарри возвращается через их связь. Но прежде чем кто-либо из них успел высказать это убеждение, заговорил Сириус.

— Ты сказал, что брак Гарри и Гермионы как-то связан со всем этим?

— Верно, — согласился Дамблдор. — Но сначала, может быть, им следует объяснить природу своих отношений? — добавил он, переводя свои голубые глаза на Гарри и Гермиону.

— Мы... мы связаны, Сириус, — пробормотал Гарри.

— Душевная связь? Но это... это... Слова, казалось, не помогли ему, и Сириус перевел взгляд на Дамблдора.

«Самая необычная», — закончил он, подчеркивая свою точку зрения одним наклоном головы. «Но даже это, возможно, не самая примечательная часть истории», — объяснил Дамблдор, который тут же приступил к объяснению двойных ядер Гермионы и того, как сформировалась их связь между старшей Гермионой Грейнджер и Гарри Поттером. Связь, которая каким-то образом восстановилась в наши дни.

Сириус провел рукой по своей спутанной копне волос, пока Дамблдор заканчивал свои откровения. — Ты из будущего? ему удалось казаться совершенно ошеломленным, когда он смотрел на Гермиону так, словно видел ее впервые.

"Часть меня, я думаю," призналась она. «Иногда меня посещают вспышки воспоминаний».

— Я тоже их видел, — добавил Гарри. "Что-то связанное с нашей связью, я думаю", добавил он, пожав плечами.

— И я надеюсь, что именно к этим воспоминаниям мы сможем получить доступ, — вставил Дамблдор. — Чтобы дать нам возможность заглянуть в будущее и, таким образом, потенциально дать Ордену огромное преимущество перед силами Лорда Волан-де-Морта. Помните, я говорил вам обоим, что потребую от вас обоих дополнительных уроков?

И Гарри, и Гермиона кивнули.

— Я взял на себя смелость отстранить тебя от занятий прорицаниями до конца года, Гарри, — продолжил Дамблдор, тонко игнорируя как широкую сияющую ухмылку, появившуюся на лице Гарри, так и такое же глубокое хмурое выражение, которое теперь было у Рона, явно говорящее о своем разочаровании, что ему тоже не удалось отказаться от нескольких месяцев, застряв в душной жаркой башне, где преподавала профессор Трелони.

— И мисс Грейнджер. Профессор Вектор сказала мне, что вы уже закончили курс арифметики четвертого года, так что я договорился с ней, что вы тоже можете быть освобождены.

Выражение лица Гермионы боролось между волнением и разочарованием. Она, конечно, была в восторге от возможности исследовать новую область магии; область исследования, которая может стать бесценным оружием против Волдеморта, но она не могла скрыть своего разочарования тем, что не сможет продолжить изучение того, что быстро превратилось в один из ее любимых предметов. Она надеялась получить фору в учебе по СОВ.

— Ты действительно думаешь, что мы сможем вспомнить что-нибудь полезное? — спросил Гарри, возвращая внимание Гермионы к моменту.

— Мы должны хотя бы попытаться, — ответил Дамблдор. «Миссис Поттер, урожденная Грейнджер, очевидно, имела какие-то причины хотеть отправить нам свои воспоминания, и, поскольку Волдеморт продемонстрировал некоторую одержимость вами, Гарри, я считаю справедливым ожидать, что воспоминания, переданные мисс Грейнджер здесь, будут включать будущие действия Волдеморта в какой-то степени».

— Он никогда не оставит меня в покое, не так ли? — сказал Гарри совершенно удрученным голосом. «Я никогда не просила его убить моих родителей и лишиться его силы. Почему он просто не мог оставить меня в покое».

Гермиона, внимательно наблюдавшая за их разговором, заметила, что при последних словах Гарри Дамблдор заметно сдулся у нее на глазах. Какое-то время она молча смотрела на директора; исчезла аура силы и власти, которую излучал директор, когда они начали встречу. На самом деле даже усталость, которую он демонстрировал по ходу их разговора, сменилась чем-то другим; что-то, что Гермиона прочитала как поражение в его поникших плечах.

Словно прочитав ее мысли (хотя Гермиона знала, что это невозможно), Дамблдор прошептал про себя; "Время пришло."

Дамблдор посмотрел на каждого из них по очереди, его взгляд остановился на Гарри последним. «Мне стыдно признаться, что я скрывал от каждого из вас определенные факты; модель поведения, которую я осознал, была, по меньшей мере, глупой и контрпродуктивной. Если вы позволите мне, Гарри, я хотел бы ответить вопрос, который вы задали мне давно. Вопрос, на который я теперь понимаю, что должен был ответить тогда. Моим действиям не может быть никакого оправдания, однако я надеюсь, что вы сможете простить глупые ошибки старика в свете тот факт, что мои мотивы были чистыми, хотя, как я теперь понимаю, ошибочными».

Гарри кивнул, соглашаясь, но Гермиона чувствовала его глубокое замешательство.

— Очень хорошо, — сказал Дамблдор с нерешительной улыбкой. — Я полагаю, ты захочешь, чтобы все услышали то, что я хочу тебе сказать?

«Я думаю, мы все хотели бы услышать, что вы хотите сказать, сэр», — сказал Гарри. «Я не хочу никаких секретов».

Теперь Дамблдору удалось искренне улыбнуться. — И поэтому, Гарри, ты гораздо лучший мужчина, чем я.

Дамблдор сделал очищающий вдох. «Помнишь, ты спрашивал меня, когда лежал в больничном крыле, столкнувшись с Волдемортом во второй раз за свою короткую жизнь, почему Волдеморт пытался убить тебя в младенчестве?»

Гарри снова кивнул, его замешательство сменилось тем, что, по мнению Гермионы, было чем-то граничащим с возбуждением. Эмоция, которую она могла хорошо понять. Гарри прожил всю свою жизнь, так и не узнав правды: в детстве ему говорили, что его родители были никчемными бездельниками, которые погибли в автокатастрофе, когда он был еще младенцем. Даже когда он снова вошел в волшебный мир одиннадцатилетним мальчиком, он знал, что ему рассказали только часть истории. Это было то, чего Гермиона никогда не нуждалась в мысленной связи со своим лучшим другом, чтобы знать, что это знание каждый день понемногу съедает его.

Но теперь казалось, что после долгих четырнадцати лет ожидания Гарри наконец-то узнает правду.

«Я должен был сказать вам тогда, но я убедил себя, что одиннадцать лет слишком молоды, чтобы обременять вас своими знаниями. Тогда я должен был распознать признаки опасности. что вы уже задали мне вопрос, на который, как я знал, однажды мне придется дать ужасный ответ. Но я этого не сделал.

Директор испустил долгий, слегка театральный вздох, прежде чем перевести дух и продолжить; «Итак, мы вступили во второй год вашего обучения в Хогвартсе, и еще раз вы столкнулись с трудностями, с которыми не смогло бы справиться большинство взрослых волшебников; еще раз вы превзошли даже самые смелые мои мечты. Вы больше не спросили меня, почему Волдеморт оставил это марку на вас, хотя мы и обошли эту тему, но я снова решил не рассказывать вам все. Почему?

Дамблдор сделал паузу. Его объяснения, казалось, оказались для него катарсисом, часть его старой ауры снова проявилась в его сверкающих голубых глазах. Он снова встретился взглядом с каждым человеком, сидящим за столом, и наконец его взгляд остановился на Гермионе.

— Потому что ты заботился о Гарри. Возможно, слишком сильно? — сказала она, поняв, что директор молча призвал ее ответить. — Ты не хотел причинять ему еще больше боли.

Когда Гермиона произнесла эти слова, она поняла, что это правда. Дамблдор явно проявлял особый интерес к Гарри и глубоко заботился о нем. Возможно, даже любила его.

«Именно мисс Грейнджер. Какое мне дело до того, что бесчисленное множество безымянных и безликих личностей будет убито в каком-то смутном будущем, если здесь и сейчас вы живы, здоровы и счастливы?

Но когда мы перешли на ваш третий год, моя совесть начала тревожиться, поскольку вы снова и снова доказывали, что вы исключительны. Хотя вы были молоды; хотя ты все еще есть, мои оправдания были на исходе. Я знал, что скоро должен тебе сказать».

Дамблдор сделал паузу, явно погрузившись в свои мысли.

— Так что изменилось? — подсказал Сириус. — Зачем говорить Гарри сейчас?

Дамблдор склонил подбородок в сторону Сириуса. «По правде говоря, я не собирался говорить Гарри правду в ближайшем будущем», — признался он. «Но когда у Гарри и мисс Грейнджер завязались романтические отношения, я понял, что время пришло».

Очевидно важное для его объяснения, директор возился, чтобы открыть другую закупоренную бутылку воспоминаний, но его руки так сильно дрожали, что он оказался не в состоянии выполнить задание. Мгновение спустя Рон наклонился, чтобы аккуратно вынуть пробку, оставив бутылку в дрожащей руке Дамблдора.

Он вылил содержимое в таз и еще раз неуверенно ткнул в жидкость кончиком палочки.

Из воспоминаний возникла вторая призрачная фигура, закутанная в шали, с мультяшно увеличенными глазами за толстыми очками. Сибил Трелони, как и Северус Снейп до нее, начала вращаться на месте, но когда она говорила, то не своим тонким, мистическим голосом; но резкий, грубый тон, который определенно не подходил к ее худощавому телосложению.

« Тот, кто в силах победить темного властелина, приближается... Рожденный теми, кто трижды бросил ему вызов, рожденный, когда умирает седьмой месяц... И темный властелин отметит его как равного себе, но у него будет сила темный лорд не знает ... И любой из них должен умереть от руки другого, потому что ни один из них не может жить, пока другой выживает ... Тот, кто обладает силой победить темного лорда, родится, когда умрет седьмой месяц ... »

Тишина на кухне была абсолютной. Никто, столпившийся вокруг стола, не издал ни звука, даже вздохнуть; и даже далекий стук домовых эльфов, передвигающих вокруг кастрюли и сковородки, утих. Даже, заметила Гермиона, ее связь с Гарри была почти бесшумной, хотя и не преднамеренной, как раньше. В тот раз разум Гарри показался ей твердой непроницаемой стеной, его эмоции были глубоко внутри, но на этот раз Гарри определенно не блокировал ее намеренно. Это было больше похоже на то, что почти каждая мысль, каждое чувство в его теле внезапно улетучились. Обычно активный разум Гарри теперь проецировал только оцепенение и две очень слабые, противоборствующие эмоции; эмоции, которые она прочитала как гнев и жалость к директору

Рон нашел ее голос первым. — Это значит Гарри?

Дамблдор кивнул, явно не в силах ответить, когда одинокая слеза проложила свой путь по глубоким морщинам на его древнем лице.

"И это должен быть Гарри, который заканчивает это?" — подсказал Сириус. "Ни один не может жить, пока другой выживает?"

Дамблдор снова просто кивнул, его обычно мерцающие голубые глаза теперь казались затравленными.

"А что об этой силе он знает не дело?" добавил Рон. «Без обид, приятель, но ты даже не лучший в нашем классе».

Гермиона почувствовала, что Гарри был готов ответить согласием на заявление Рона, когда Дамблдор вновь обрел голос.

"Любовь."

Директор произнес это слово шепотом, но каким-то образом оно донеслось до каждой пары

ушей за столом.

«Сила, более могущественная, чем любая другая в нашем мире», — продолжил он более сильным и уверенным голосом. «Сила, которой обладает Гарри, Волдеморт ничего не знает. Сила, которую, несмотря на свое трудное воспитание, Гарри дает свободно: своим друзьям, своей семье и своей жене», — подчеркивал Дамблдор каждое утверждение, глядя на Рональда, Сириуса и Гермиону. повернуть. «Это сила, которая связала его с его партнером по узам способами, которые мне еще предстоит полностью понять, но я знаю это: любовь погубит Волдеморта».

Гермиона почувствовала влагу на щеке и поняла, что плачет. Внезапно все это обрело смысл. Ранее незавершенная головоломка в ее голове без особых усилий складывалась в каскад; каждое новое откровение проливало свет на события, которые до сих пор были окутаны мраком.

Той ночью мишенью были не родители Гарри. Это был Гарри. Волдеморт, узнав о пророчестве, решил убить Гарри до того, как тот станет для него угрозой.

Но он потерпел неудачу в этом стремлении. Ему помешал самоотверженный поступок любви его матери, которая умерла, пытаясь защитить его.

Та самая защита, которая уничтожила Темного Лорда, также оставила Гарри напуганным и навсегда связанным со своим заклятым врагом.

Это также объясняло, почему директор выбрал именно этот момент, чтобы раскрыть правду. Если «сила, которую он не знает» действительно была любовью, то любовь, которую разделяли она и Гарри; любовь, которая уже сделала их обоих сильнее, чем они имели право быть подростками, была тем самым инструментом, который позволил бы им положить конец второй войне, прежде чем она вообще могла начаться.

Дамблдор встал, громко заскреб ножками стула по каменному полу. Его усталые глаза искали глаза Гарри и, казалось, находили некоторое утешение в том факте, что Гарри встретился с ним взглядом. «Если ты найдешь в себе силы простить глупого старика, Гарри, я обещаю, что лично помогу тебе, чем смогу».

— Я, конечно, пойму, если это окажется для тебя невозможным, но я позабочусь о том, чтобы в любом случае тебе была доступна вся мощь Ордена. Знай только одно: тебе не придется сражаться с Волдемортом в одиночку. поддержку самых близких вам людей, чем в одиночестве».

Директор, казалось, собирался сказать что-то еще, но, видимо, передумал. Вместо этого он быстро попрощался с группой, повернулся на каблуках и медленно пошел к лестнице, чтобы выйти из кухни, оставив тех, кто остался наедине со своими мыслями.

<http://tl.rulate.ru/book/74435/2065340>